

Юбилей

БЛАГОСЛОВЛЕН В КАДАШЕВСКОЙ БАНЕ

Моск. правда - 1998 - 25 сент. - с. 12
 "У человека /В середине века /Болит висок и дергается веко."

Но он промежду тем прожекты строит, /Все замечает, обличает, кроет, /
 Рвет на ходу подметки, землю роет. /И только иногда, в ночную тьму, /
 Все двери заперев, по-волчьи воет. /Но этот вой не слышен никому".

Страшный мир, страшноватый портрет человека. В комментарии вроде бы нужды нет. Автор – **Межиров**. Поэт милостью божьей. Со своим звуком, напевом, раскачкой ритма. Судьбой. Если прочесть не "в середине", а "на исходе", почувдится, что датировано нынешним сентябрьским утром. С натуры. Щелкнул фотоглаз и – пожалуйста.

Я бы и эти ясные каждому строки не обошел толкованием. Каким, сейчас уточнять не стану. В конце жизни **Державин** составил "объяснения на сочинения". Писал: "Все примечатели и разбиратели моей поэзии, без особых замечаний, оставленных мною на случай смерти моей, будут судить невпопад". Сесть бы с Александром Петровичем, вынуть "репортер" и завладеть тем, что Державин называл **ключ**. Ведь "поэзия темна" (слова **Булкина**, вынесенные Межировым в эпиграф к стихотворению "Другу"), как бы доступно ни выглядели ее отдельные страницы. Толковать стихи – великое удовольствие.

У Межинова в литературном кругу репутация выдумщика. Из уст недоброжелателей породы "друзья знаменитых людей" это звучит порезче. Я знаю Межинова с осени 1960 года. Не припоминаю, чтоб он обманул, сказал неправду. Не защитил от клеветы. Искусство – тайна. Межи-

ров не раз заявлял, что явь, натура, первая реальность для художественного произведения не годятся. Что поэзия – это форма, а форма есть содержание.

Совместимо ли это с требованием правды? "И в шарабане цирковом родился сын у акробатки" – баллада, лирическая легенда. Правда чувства. А стихотворение "Серпухов"? "Прощай, Дуня, моя няня..." Тема, восходящая к **Пушкину** ("голубка дряхлая"), к **Ходасевичу**: ("Не матерью, но тульской крестьянкой..."), традиционнo-литературная. Поэт едет хоронить няню. В Серпухове на вокзале шоферня отказывается везти, потому что "начальник": "Ты пройдишь-ка пешком восемь километров до Данков". Отвечает: "не начальник я – печальник". Я грешным делом думал, что топонимы Серпухов и Данки – поэтический произвол. Но это не произвол. Лишь недавно случайно узнал: в Данках под Серпуховом – инвалидный дом, в стихах не упомянутый.

Комментарий про инвалидный дом полезен. Чтоб еще сильнее отозвалось: "Ну, так бей крылом, беда, /По моей веселой жизни – /И на ней /ясней /оттисни /Образ няни – навсегда. /Родина моя, Россия... /Няня... Дуня... Евдокия..."

У Межинова мотив возраста непрерывен, как непрерывна жизнь. Есть стихотворцы (на-

чиная с Державина и Пушкина), равнодушные к детству. Равнодушен и Межиров (род. 25.9.1923 в Москве). Он начинается, может быть, с названного **воскресным** воспоминания о Кадашевской бане. Отрочество, мальчик вдвоем с немолодым отцом; отец запасается кипятком, а "отрок впитывает впрок, /Сквозь благодарственные стоны, /Замоскворецкий говорок, /Еще водой не разведенный". Здесь он благословлен в поэты. Затем "тишайший снегопад". Вечеринка на квартире замнаркома, где "с временем не совпадая, /Ляля Черная поет". Сороковые... Проводы на войну. "Был он тихий и слабый, /Но Москва /без него/ Ничего /не смогла бы, /Не смогла /ничего". Война переформирует душу: **переформировка** – межировское слово. Синявинские болота. По своим артиллерия бьет.

Как в "Предвоенной балладе" сказано о замнаркома: "Слишком поздно для субботы. /Не вернулся он с работы, /Не вернется никогда", так в "Прощании со снегом" сделан мрачный прогноз: "В Москве не будет больше снега, /Не будет снега никогда". И это не столько о природных капризах (так попричилось плоскому критику), сколько о состоянии души. О невозвратности того, **тишайшего** снегопада.

В 1956-м Межирову было тридцать три. Последний возраст **Христа**, пробуждение **Ильи Муромца**. Это был год развенчания **Сталина**. Поэт обратился к времени: "Буди меня, как Муромца Илью, – /Не распыняй за то, что пробудился". Помню посвященные мне "Две книги..." Помню:

"До тридцати – поэтом быть почетно /И срам кромешный – после тридцати". И – "Я начал стареть, /Когда мне исполнилось сорок четыре". И – "Не слишком стар, давным-давно не молод, /Цепами века недоперемотот. /Пятидесяти от роду годов, /Я жить готов и умереть готов". И "Балладу возраста": "Какой-то парень на вокзале: / – Подвинься, – говорит, – отец..." И "Все приходит слишком поздно..." И ответ поэтессе, бестактно назвавшей его "пожилым поэтом", И то, что повторили многие, многие: "Что ж ты плачешь, старая развалина, – /Где она, священная твоя /Вера в революцию и в Сталина, /В классовую сущность бытия?... "А также: "Как на пороше за-ячи стежки, /Недолговечна писанина эта. /Кто ж будет слушать новые стишки /Шестидесяти-летнего поэта!"

И – наконец – завет: "... Так следуй опыту отца, /Пока сучится нить живая, /Жизнь до последнего конца /Искусственно не продлевая".

Сегодня Межирову семьдесят пять. Какую проходит он **переформировку**? Он всегда был по части юбилеев скептиком. Не поощрял словословий. Значит ли это, что мы, даже если "болит висок и дергается веко", забудем о его праздничном дне?

Владимир ПРИХОДЬКО.

На снимке: А.Межиров (слева), Е.Винокуров. На обороте надпись: "Дорогому и доброму Володе на память о жизни суетной и милой. А.Межиров. 26.X.60. Львов". Публикуется впервые.

15.09.98

Мемисов А.